

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

СЫСКАРИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Сыскари
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162693

Сыскари: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15870-7

Аннотация

Дерзкое ограбление выставочного центра поставило оперативников в тупик. Вооруженные налетчики украли алмаз «Глаз Будды», стоимостью в несколько миллионов долларов, и никаких следов. Но знаменитый сыщик Лев Гуров так не считает. От места преступления всегда тянутся невидимые нити к преступнику – надо только их нащупать. И вот уже на подозрении охранник центра – он связан с бывшими гонщиками из автошоу. Но когда Гуров вышел на их след, оказалось, что из них в живых остался только один. Он признался, что когда они выступали в Австралии, то познакомились с одним человеком, который предложил украсть алмаз. И этот человек уже в Москве...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	51
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Николай Леонов, Алексей Макеев Сыскари

Глава 1

Телефонный звонок в вестибюле выставочного центра прозвучал в четыре часа утра. Кроме охраны, нанятой в агентстве «Триггер», имеющем, кстати, отличную репутацию, в здании в этот час никого не было. Стояла удивительная тишина – ни ветра, ни шума машин. За морозными окнами виднелось черное небо с пригоршней сухих звезд. Отсвечивал матовым блеском надраенный паркет. Высокие, украшенные лепниной потолки тонули в полумраке. Мелодичный и приглушенный звук телефона показался охраннику противным, точно визг бензопилы.

Расслабившись и широко расставив сильные ноги, он сидел в низком кресле, где надеялся спокойно просидеть как минимум еще часа два, и мечтательно пялился на гладкую, безо всяких украшений стену – должно быть, думал о чем-то своем, приятном. Телефон все испортил.

Пришлось встать, пройти несколько шагов до аппарата, снять трубку. Из коридора появился заинтригованный на-

парник, остановился с выжидательным видом на пороге.

– Чего там, Тимофеев?

Поименованный Тимофеевым, не оборачиваясь, пожал могучими плечами и сосредоточился на звонке. Уверенный мужской голос – ни следа утренней сонливости – произнес:

– Это выставочный центр «Северное сияние»?

– Ну! – угрюмо сказал Тимофеев. – А что за проблемы?

– Проблемы у вас, – заботливо сказал голос в трубке. – Слушайте меня внимательно. Довожу до вашего сведения – в здании центра заложено взрывное устройство. Подробности мне неизвестны, если именно они вас интересуют. Но у вас ведь завтра открытие?

– Уже сегодня, – растерянно буркнул Тимофеев, покосившись на часы.

– Уже сегодня, – многозначительно повторил голос и отключился.

Тимофеев озадаченно повертел зажатую в кулаке трубку и оглянулся. Неслышно подошедший напарник с любопытством указал на телефон.

– Кому не спится в ночь глухую? – спросил он со смешком.

– Давай, Бакланов, сюда Савельича! Срочно! – злым от растерянности голосом сказал Тимофеев.

Напарник стер с лица улыбку и почти бегом направился к двери. Через минуту он вернулся, но уже не один – с ним был сам начальник охраны Григорий Савельевич Деев, отставной полковник спецназа, очень высокий и физически силь-

ный человек. В отличие от своих подчиненных, наряженных в пятнистый камуфляж, Деев был облачен в дорогой гражданский костюм и смотрелся щеголем. У него были редкие, зализанные назад волосы и серые злые глаза.

Сейчас эти злые глаза, не мигая, уставились на Тимофеева.

– Что случилось? – отрывисто спросил Деев.

Охранник развел руками.

– Позвонил какой-то хрен, – виновато сказал он. – Сообщил, что у нас здесь бомба, Савельич.

– Ни фиги себе! – ошарашенно выдохнул Бакланов. – Может, шутка?

– Отставить базар! – рявкнул на него Деев и дернул подбородком. – Докладывай толком, Тимофеев, кто звонил?

– А я знаю? – обиделся охранник. – Мужик какой-то. Голос незнакомый. Сказал – в здании взрывное устройство. Подробности, говорит, не будет. И еще это... намекнул, что завтра открытие. Вот и все.

– Твою мать! – с расстановкой проговорил Деев. – В здании камней на миллионы. Утром тут вся Москва будет, иностранцы... Вот не было печали!..

– Может, все-таки пошутил кто-то? – с надеждой повторил Бакланов.

Деев уничтожающе смерил его взглядом.

– И что ты предлагаешь? Вместе посмеяться? – спросил Деев. – Мне лично не смешно.

Бакланов смущенно пожал плечами:

– Я думал, если это не шутка... У нас ведь минеров нет. Вызывать будем?

Деев сморщил лицо в огромной досаде.

– Вызывать! Сигнализацию отключать! А драгоценности? Наниматели с нас шкуру спустят! Не дай бог пропадет что-нибудь... Вот ведь повезло, черт возьми! – Он обернулся к Тимофееву и отрывисто уточнил: – О сроках взрыва ничего не говорили?

– Да ни слова больше не сказал! – с обидой откликнулся охранник. – Ни сроков, ни требований, ничего! Разве бы я забыл, Савельич?

– Ну ладно! Чему быть, того не миновать, – решил Деев. – Наше дело – прокукарекай, а там пусть хоть не рассветает. Пойду звонить хозяевам – пусть решают, что делать. А вы тут повнимательнее!..

Деев удалился в комнату, которая предназначалась для отдыха охраны, и позвонил. В течение получаса все заинтересованные лица уже были в центре – директор «Северного сияния» Туманов, ответственный распорядитель ювелирной выставки Сошник и Барри Стоковски, представитель австралийской ювелирной фирмы «Даймонд Филдс», которая считалась главным организатором выставки. Вместе с начальником охраны они закрылись в кабинете директора и принялись искать выход из создавшейся ситуации. Все сильно нервничали, и разговор велся на повышенных тонах.

– Вы тут все с ума посходили, что ли? – с места взвился Сошник. – Знаю я эти дела! К девяти утра тут пол-Москвы соберется, денежные тузы, элита, от мэрии представителя ожидаем, а вы тут учения предлагаете организовать! Голову даю на отсечение – никакой бомбы и в помине нет!

– Воля ваша, Владислав Тимофеевич, – возразил ему Туманов. – Ваша голова – ваше личное дело, а речь как раз о безопасности этой самой элиты и идет! Представляете, что будет, если бомба все-таки рванет, когда тут пол-Москвы соберется? Одной головой не отделаетесь, уважаемый! – Туманов был красен от волнения, из-под безвкусного сиреневого пиджака по-купечески выглядывала золотая цепочка от карманных часов. – А обо мне вы подумали? Здание старинное, памятник архитектуры – тоже бриллиант в своем роде. В прошлом месяце евроремонт только закончили – шутка ли! Не-ет, рисковать в подобной ситуации просто преступно!

Сошник ткнул в него пальцем и торжествующе объявил:

– Вот! Вот где она, собака, зарыта! Вы ведь тоже о себе в первую очередь думаете, милейший Венедикт Сергеевич! Даже граммом рисковать не хотите, чтобы, не дай бог, не прогадать. Отлично вас понимаю. Но и вы меня поймите! Я-то с какой рожей буду перед шефом отчитываться? Извините, мы тут решили в войну поиграть – поэтому мероприятие откладывается. А уж за убытки не обессудьте...

– М-да, убытки... – задумчиво произнес австралиец, вынимая изо рта трубку без табака, которую всюду таскал с со-

бой, потому что так было легче отвыкать от курения.

Все настороженно посмотрели на него. Барри Стоковски был здесь как-никак центральной фигурой. Мероприятие почти полностью финансировалось его фирмой, и контракт был составлен так хитро, что счет за возможные убытки «Даймонд Филдс» при желании могла выставить астрономический. Кто же мог себе представить, что какой-то идиот полезет в центр с этой бомбой? То есть представить в принципе было несложно – взрывы давно стали повседневной реальностью, – но, как говорится, русский мужик задним умом крепок. Теперь кому-то предстояло ответить за подобную нерасторопность, но отвечать никому не хотелось.

Поэтому все с тревогой ждали, что скажет этот чертов Стоковски. А он между тем молчал – невозмутимый, белозубый, спортивный, в элегантно сером костюме, в узких матовых очках на холеном носу. Боялся обронить хотя бы слово, хотя говорил по-русски чисто, почти без акцента. Перекладывал решение на плечи хозяев.

– Да вот хоть спросите у профессионала! – нашелся Туманов, кивая в сторону Деева. – Что скажет начальник охраны?

– А что он скажет? – с презрением отозвался Сошник. – Прошляпили, выходит, террориста – охрана называется!

Деев сжал тяжелые кулаки и мрачно посмотрел на присутствующих.

– На глупости отвечать не буду, – сурово сказал он. – А касательно возможного взрыва скажу однозначно – меры при-

нимать нужно. Чтобы потом не кусать локти. Ну, отложите выставку на день. Все эти убытки – ничто по сравнению с тем, что может случиться.

– Да вам-то что! – недобро рассмеялся Сошник. – Вам-то платить не придется. Вы еще и получить рассчитываете за так называемую охрану. А я полагаю так – раз проворонили злоумышленника – отвечайте по полной программе!

– Кто за что будет отвечать – потом разберемся, – быстро сказал Туманов, беспокойно поглядывая на Стоковски. – Сейчас нужно решение принимать. Лучше МЧС вызвать – они побыстрее и закончат. Может, даже до открытия успеют.

– Как же! – саркастически возразил Сошник. – Такое здание за два часа не осмотришь. Считайте, что торжественное открытие накрылось медным тазом. А захочет ли после этого кто-то вообще сюда явиться – это уже большой вопрос!

Туманов развел руками и беспомощно посмотрел на австралийца, который продолжал невозмутимо сосать пустую трубку. Директор центра понимал, что во многом Сошник прав и всех их ждут самые неприятные последствия, но ему хотелось, чтобы последнее слово осталось все-таки за иностранцем. Из своего опыта он знал, что иностранцы редко отказываются от своих слов, а это будет иметь немаловажное значение, когда полетят головы.

– С русскими всегда какие-то неожиданности, – изрек наконец Стоковски. – Мы имели меньше проблем в Африке.

– Да что Африку поминать! – с кислой гримасой восклик-

нул Сошник. – У нас тоже все пройдет нормально – вот увидите! А что касается всех этих страхов – обычные заморочки. Вы не представляете, господин Стоковски, сколько ложных звонков о подброшенных бомбах получает ежедневно милиция!

– Думаю, что много, – сказал австралиец. – Но это не имеет никакого значения. В моей стране привыкли относиться серьезно к любому подобному звонку.

– В нашей стране то же самое! – с энтузиазмом воскликнул Туманов. – Я уверен, что и между нами здравый смысл возьмет верх. Пускать это дело на самотек ни в коем случае нельзя. И если выяснится, что звонок ложный, мы только вздохнем с облегчением...

– Это вы вздохнете с облегчением, – ядовито заметил Сошник. – Между прочим, если пускать сюда минеров, значит, отключать полностью сигнализацию. Ваша охрана в состоянии обеспечить безопасность выставленных экспонатов? Это ведь не черепки какие-то, а уникальные драгоценности, уважаемый!

– Почему же нет? – с вызовом сказал Туманов и обернулся за поддержкой к Дееву. – Григорий Савельевич, вы что скажете?

– Что я скажу? – мрачно отрубил начальник охраны. – Ситуация сложная. Как профессионал, стопроцентной гарантии дать не могу. Площади большие, экспонатов в каждом зале не менее сотни. Хотя, если честно, не думаю, что мине-

ры сразу примутся чистить витрины... Впрочем, можно вызывать людей дополнительно. Но на это потребуется время...

– Я тоже не думаю, что минеры начнут чистить витрины, – вдруг сказал невозмутимый Стоковски. – Но для «Глаза Будды» нужна отдельная охрана. И немедленно вызывать спасателей. Я настаиваю, – он сунул в рот пустую трубку и строго посмотрел через очки на Сошника.

Тот развел руками и пробормотал:

– Вызывайте хоть черта! Только я умываю руки.

– Это ваше право, – радостно пробормотал Туманов, выходя из-за стола. – Вы еще скажете мне спасибо... Итак, я немедленно звоню в МЧС, в милицию – куда еще?... А господин Деев снимет здание с сигнализации и обеспечит пост у «Глаза Будды».

– Минеры потребуют, чтобы здание было очищено до последнего человека, – мстительно заметил Сошник.

– Ну уж это извините! – гордо мотнул подбородком Туманов. – У нас тут не выставка мягкой игрушки. В контракте охраны прописан пункт о необходимом риске. А с минерами мы договоримся...

Через минуту сигнал о заложенной в здании бомбе поступил на пульт дежурного МЧС и в диспетчерскую службу МВД, а Деев приступил к отключению сигнализации по всему зданию. В его распоряжении на этот час имелось десять охранников, и двоих из них – тех, кому более всего доверял, – он оставил в особой комнате на втором этаже, где

располагался единственный экспонат – уникальный и неповторимый бриллиант «Глаз Будды». Комната была глухой – без окон и с единственной стальной дверью, запиравшейся на специальный замок с электронным кодом. Легендарный бриллиант был главным сюрпризом коллекции, стоил миллионы, и Стоковски скорее согласился бы потерять свой глаз, чем этот камень. Отдельное помещение с повышенной степенью защиты было первым условием контракта.

Деев очень сомневался, что есть необходимость осматривать это помещение, потому что, по его мнению, именно сюда террористы не могли пробраться ни при каких обстоятельствах. С того момента, как «Глаз Будды» воцарился в этой комнате, с нее буквально не спускали глаз. Но теперь наниматели, запугавшие обоюднo друг друга до икоты, требовали проверки всех помещений без исключения. Оставалось подчиняться.

Организаторы выставки и в самом деле были напуганы изрядно – не столько угрозой взрыва, сколько неизбежными издержками, связанными с этой угрозой и ударающими по ним лично. Более других негодовал Владислав Тимофеевич Сошник. Акционерное общество «Алмазная грань», где он являлся одним из коммерческих директоров, вложило немалые средства в организацию выставки драгоценных камней – не из беззаветной любви к искусству, разумеется, – прибыль подразумевалась в первую очередь. Австралийские ювелиры платили посреднику хорошие деньги, но, естественно, в пер-

спективе выгодных сделок. А какие, к черту, сделки, когда в день открытия потенциальных покупателей встретят кордоны милиции и минеры с собаками, натасканными на взрывчатку! Разбегутся все – и частные лица, и солидные фирмы. И удастся ли заманить обратно хотя бы половину – это еще бабушка надвое сказала.

Сошник был очень зол. Он даже не стал вместе со всеми дожидаться приезда спасателей. Кипя от возмущения, Сошник хлопнул дверью директорского кабинета и вышел в коридор. У него появилось острейшее желание немедленно уехать, чтобы не видеть всего этого безобразия, и Сошнику пришлось напрячь всю свою волю, чтобы подавить этот ребяческий порыв. Он должен быть здесь, чтобы попытаться спасти хотя бы то, что возможно.

Без определенной цели он на секунду выглянул в вестибюль – двое охранников, высокие, ражие парни в униформе хмуρο прохаживались возле входных дверей. Он никогда не мог запомнить лиц этих «горилл», но, кажется, парни были те же самые, что недавно пускали его в здание.

Сошник преодолел вновь возникшее искушение выйти вон и, повернувшись, отправился наверх – там, где сейчас без присмотра валялась буквально гора драгоценных камней. Без присмотра – это, конечно, было сильно сказано, но отключенная ранним утром сигнализация, распахнутые двери и готовность допустить в святая святых толпу посторонних – все это корбило Владислава Тимофеевича до глубины

ны души.

Он инстинктивно заглянул первым делом в заветную комнату, где под голубоватым стеклом витрины блистал невероятной красоты алмаз, и несколько секунд любовался им, не в силах оторвать взгляда. Начальник охраны Деев, которого Сошник недолюбливал за солдафонство и излишнюю перестраховку, тоже был здесь – давал инструкции подчиненным, двум пятнистым громилам с пудовыми кулачищами. На лицах громил было написано привычное равнодушие. Они в себе ни секунды не сомневались, и им было на все наплевать. В глубине души Сошник не доверял никакой охране: он не верил, что люди способны жертвовать жизнью, спасая чужое имущество. В конечном итоге любая охрана остается в дураках. Однако совсем без охраны тоже нельзя – тебя просто не примут всерьез. Охрана – один из признаков состоятельности.

Он поймал злой взгляд Деева – взгляд офицера, внезапно обнаружившего в казарме постороннего, – и с досадой поморщился.

Их немое противоборство закончилось неожиданно для обоих. Где-то внизу внезапно возникла волна постороннего звука – словно что-то массивное, но мягкое покатилося по коридорам, отзываясь шелестящим эхом из всех уголков здания.

Сошник быстро обернулся и прислушался. Лицо Деева сделалось совсем строгим, и он, чеканя шаг, вышел из ком-

наты в коридор. Сошник вдруг засуетился и последовал за ним.

– Кажется, прибыли? – произнес он, как ни в чем не бывало переходя на деловой тон.

Деев взглянул на часы и пожал плечами.

– Что-то быстро, – сказал он сухо.

Они оба направились к лестнице, ведущей на первый этаж. И точно – по ступеням уже шаркали чужие шаги. Еще мгновение, и Сошник с Деевым увидели поднимающихся им навстречу мужчин. Их было четверо – в низко надвинутых шлемах и оранжевых куртках МЧС. В руках у каждого был непонятный сверток из брезента болотного цвета. Они спешили и, кажется, даже не обратили внимания ни на Деева, ни на Сошника – просто проскочили мимо и побежали дальше.

– Э-э, постойте-ка! – раздраженно окликнул бойцов МЧС Сошник. – Куда это вы, господа?.. Руководство внизу... Какого черта?!

Он не успел договорить, потому что Деев просто оттеснил его в сторону и кинулся вслед за группой в оранжевых куртках. Кажется, он был не на шутку встревожен.

Деев уже положил тяжелую руку на плечо последнего бойца, как вдруг тот резко обернулся, и брезент его свертка в одну секунду как бы сам собой развернулся. Сошник увидел, как блеснул металл в руках человека в каске, и тут же услышал короткий странный треск, напомнивший ему звук электрической пилющей машинки. Сошник открыл рот, а Деев

странным образом пошатнулся, взмахнул руками и стал медленно оседать на паркетный пол.

Сошник инстинктивно захотел поддержать его, несмотря на старую неприязнь к солдафону, и даже сделал шаг вперед – в голове у него был в этот момент непонятный туман, но тут опять застрекотала пишущая машинка. Сошник видел только вздрагивающие руки чужого человека в каске – все остальное слилось в расплывчатое пятно, а из этого пятна, точно из прорванной диванной обшивки, выскочила жесткая стальная пружина и со всего маху ударила Владислава Тимофеевича в плечо.

Сошник считал себя крепким мужчиной, из-под ног которого непросто, как говорится, выбить землю, но сейчас эти представления были разбиты в пух. Сошник внезапно почувствовал невероятную слабость, которая разлилась по его телу как ледяная вода и крошечными иголочками заколола кончики пальцев. Он ослеп и оглох, а в пересохшем рту почему-то возник мерзкий соленый вкус, от которого затошнило почти до рвоты. Он даже не заметил, как повалился на паркет рядом с неподвижным телом Деева.

Люди в оранжевых куртках МЧС не стали задерживаться. Тот, кто был у них главным, повелительно махнул рукой. Остальные мгновенно окружили дверь в комнату, где хранился «Глаз Будды». Один распахнул дверь, другой пустил в помещение короткую очередь из «узи», третий в прыжке через голову вкатился внутрь и тоже открыл огонь. Охран-

ники, вооруженные пистолетами, погибли почти сразу.

– Пошел! – негромко рыкнул главный, оглядываясь.

Из-под его руки вынырнул человек со странным инструментом в руках. В одну секунду он наклонился над витриной, где сверкал алмаз, и, включив свой инструмент, принялся резать бронированное стекло.

Сквозь отвратительный визг резака откуда-то из глубины здания донеслись разрозненные выстрелы. На лицах людей в касках абсолютно ничего не отразилось. Главный, не отрываясь, смотрел на бешено вращающийся резак и ждал. Глядя на него сейчас, можно было подумать, будто ничего особенного не происходит, а просто опытный мастер принимает экзамен у способного ученика где-нибудь в токарном цеху.

«Ученик» действительно оказался способным – совсем скоро он произнес шепотом: «Есть!» – и отступил в сторону.

Главный шагнул вперед и запустил руку в дымящийся проем витрины. Великолепный бриллиант буднично перекочевал в его обтянутую перчаткой ладонь и исчез.

– Уходим! – сказал он.

Двое уже ждали в коридоре, посматривая по сторонам, – пальцы на спусковых крючках, глаза, настороженно сверкающие из-под касок. Издали, высунувшись на секунду из боковой двери, дважды выстрелил из пистолета охранник в пятнистой униформе. Затрещал «узи», и охранник скрылся.

Вся группа побежала к выходу. Возле тел, лежавших у

лестницы, на паркет натекла уже лужица крови. С грохотом спустились по ступеням, перепрыгнули через еще один труп в камуфляже и выскочили в вестибюль. Там их давно дожидались еще двое в форме МЧС с автоматами наготове. У стены лежали еще двое – убитые.

– Уходить надо! – сдержанно сказал один из автоматчиков. – Сирена. Вот-вот подъедут.

– Уже уходим, – кивнул главный.

Цепочкой выскочили на улицу. Черный «пирожок» с непонятной надписью «Камелия» на борту подкатил к самому порогу. Люди в касках попрыгали в кузов, и машина, почти с места набрав скорость, свернула в ближайший переулок. В тот же момент из-за противоположного угла вывернула служебная машина настоящих спасателей. В ярких лучах фар плясали мелкие, как пыль, снежинки. На крыльцо без пальто и шапки выбежал бледный как смерть Туманов, оглянулся по сторонам и, схватившись за голову, медленно осел на холодный камень.

Глава 2

– Ну что ж, теперь докладывайте, что там у нас с этим «Северным сиянием»! – распорядился генерал Орлов. – Журналисты нашу пресс-службу вконец измучили – судьба бриллианта их, видите ли, интересует!.. Знаю, что не демократично, но я приказал гнать всех подальше. Для кого-то сенсация, а там, между прочим, люди погибли. Дети сиротами остались... Об этом почему-то не пишут.

Сидевшие за столом старшие оперуполномоченные – полковник Гуров и полковник Крячко – понимающе переглянулись.

– Да, преступление даже по нынешним меркам исключительно кровавое и дерзкое, – сказал Гуров. – Шестеро погибших, четверо серьезно раненных. Плюс состоявшееся ограбление. Говорят, камень стоил миллионы долларов.

– Не говорят, а так и есть, – строго поправил Орлов. – Владельцы и все, кто имел отношение, теперь льют крокодиловы слезы. Россия – страна, где не уважают частную собственность! Алмазный блеск всем глаза затуманил – о погибших никто и не вспоминает. А, между прочим, они из-за этого паршивого камня и погибли...

Сделав важную мину, полковник Крячко авторитетно сказал:

– У драгоценных камней рок такой! Это и в искусстве от-

ражено. «Лунный камень», например... Или этот... принц, как его?.. По телевизору показывали... Короче, где алмаз – там непременно кровь, гибель и запустение. Причем чем алмаз дороже, тем хуже. Несчастье они к себе притягивают, алмазы-то! И тот, к кому алмаз попадет, обязательно плохо кончит – его или прирежут, или он чумой какой-нибудь заболит, или крыша на него рухнет...

Генерал внимательно его выслушал и заметил недовольно:

– Не понял я, Стас, а ребята-охранники тут при чем? Они-то на этот алмаз могли только облизываться. А вот владельцы почему-то все живы и здоровы... Так что твоя сказочка глупая и вредная, я считаю!..

– Да никакая не сказочка! – обиделся Крячко. – На охранников это тоже распространяется. Они камень берегли – значит, находились к нему в опасной близости. А из владельцев тоже не все живы и здоровы.

– Что ты имеешь в виду? – подозрительно спросил Орлов.

– Там ответственный распорядитель пострадал, – ответил за Крячко Гуров. – Сошник Владислав Тимофеевич. Коммерческий директор. Плечо ему прострелили. Чудом выжил – шок, большая кровопотеря, кость повреждена... Директор выставки в больницу слег в предынфарктном состоянии. Потом начальник охраны, бывший офицер – того сразу на смерть. Ну, этот из другой оперы, конечно. Паны дерутся, у холопов чубы трещат.

– Вот именно, – значительно сказал генерал и нетерпели-

во махнул рукой. – Ладно, хватит про лирику! Давайте конкретно – что мы сегодня имеем по этому делу?

– Имеем вроде бы много, – ответил Гуров, – да вот толку пока маловато. Одно можно сказать определенно – тот, кто затеял это преступление, был хорошо знаком с выставкой. Тут никаких сомнений. Провернули все за пятнадцать минут, буквально впритык. Они ведь едва успели ноги унести, как появились настоящие спасатели. На грани работали, с поразительным, надо сказать, хладнокровием.

– Следы? – живо спросил Орлов.

– Множество, – махнул рукой Крячко. – Гильзы от патронов 9"19, электролезак, которым витрину вскрывали, форменная одежда, автоматы «узи», фургончик черного цвета – они его в десяти кварталах бросили...

– В угоне, конечно? – почти убежденно произнес Орлов и тут же кивнул головой, чтобы Крячко продолжал.

– Еще хлеще – в доме по соседству, который на слом предназначен, ребята аппаратуру для прослушки обнаружили, – объявил Крячко. – Импортную. Они ход дела контролировали, прослушивая телефонные переговоры в «Северном сиянии». Когда надобность в том отпала – все бросили и пересели в фургончик...

– Отпечатки пальцев, свидетели? – нетерпеливо спросил Орлов.

– Ни того, ни другого, – отрезал Гуров. – Аккуратно действовали. В соседний дом свободно из другого квартала

можно попасть. В выставочном центре даже не подозревали, что вокруг них такие дела творятся.

— Как же все-таки они так прошляпили?! — вдруг стукнул по столу кулаком Орлов. — Сигнализация, охрана...

— Пока всех подробностей выяснить не удалось, — сказал Гуров. — Двое в больнице, а иностранец, после того как у него в ту ночь взяли показания, упорно уклоняется от встреч — в гостинице его застать невозможно, говорят, осел в своем посольстве. Но, по рассказам охранников, которые остались в живых, получается примерно следующее. В четыре утра кто-то позвонил и сообщил про бомбу. Немедленно вызвали руководство — тех, кто отвечал за выставку. Они недолго совещались, решили не рисковать и вызвали спасателей. Едва отключили сигнализацию, появились «спасатели». Все уже зациклились на бомбе, и охрана, увидев знакомую форму, без разговоров отперла двери. Как там точно все было, теперь не скажешь — живых свидетелей не осталось. Двое налетчиков, убив охранников, расположились в вестибюле, контролируя выход, а четверо сразу же направились в зал, где был выставлен самый ценный экспонат, а по дороге подстрелили начальника охраны и коммерческого директора. Охрана как-то пыталась сопротивляться, но то ли растерянность, то ли скромное против «узи» вооружение... Одним словом, бандиты прошли по трупам, взяли, что нужно, и благополучно скрылись. Начальство было полностью деморализовано и, кажется, так и не вышло из кабинета до ухода бандитов.

– Веселая картинка! – крикнул генерал.

– Веселее некуда, – мрачно кивнул Гуров. – Но, я думаю, могло быть еще хуже. В принципе я даже доволен, что спасатели и МВД опоздали. Боюсь, столкнись они там с этими отморозками, бойня была бы не приведи господь!

– Может, оно и так, – задумчиво проговорил Орлов. – Только теперь-то этих мерзавцев и след простыл.

– Найдем! – бодро подал голос Крячко. – Куда они денутся? У них на руках камень, который приносит несчастье.

– А ты, брат, у нас суеверный! – удивленно покачал головой Орлов. – Ты, может, и в черную кошку веришь? В дурной глаз? Камень, видите ли! А если они его уже сбывли? Не любоваться же они им собирались?

– Думаю, камень еще у них, – сказал Гуров. – Не так-то просто сбывать такую штуку. Нужен серьезный покупатель. Подозреваю, что заказ из-за рубежа. На это косвенно указывает и наличие у бандитов современного вооружения и оборудования. Они из-за кордона помощь получали! Причем все первоклассное – аппаратура для прослушки, например, – пальчики оближешь! А они ее, по сути дела, раз использовали и бросили... Уверен, дело это международное. А раз так – кто-то должен камень за кордон вывезти, а это совсем не просто. Особенно сейчас, когда в аэропортах контроль усилили. Они сейчас пережидать будут, пока уляжется немного.

– Твоими устами да мед бы пить, – скептически заметил генерал. – И что же ты наметил?

– Прежде всего буду искать того, кто не имел от выставки ничего, но знал о ней все, – сказал Гуров. – Может быть, кто-то из охраны, из клерков... Должен быть такой человек! Ведь не по наитию они действовали!

– А если это кто-то не из мелких польстился? – спросил генерал. – Если это афера какая-нибудь? Со страховкой или иной компенсацией? Об этом ты не думал?

– Вряд ли, – поморщился Гуров. – Чисто теоретически такая версия возможна, но уж очень сложно получается. Алмаз принадлежит австралийской фирме с хорошей репутацией, с огромным капиталом. Не думаю, что им там даже в голову могло прийти связаться с российскими урками. Тем более что последствия в таком случае совершенно непредсказуемы. Нет, так рисковать уникальным алмазом никто не стал бы!

– Допустим, – сказал Орлов. – Так что ты конкретно наметил? Я это дело министру обещал лично курировать. Мне каждую деталь знать надо.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Гуров. – Директора выставочного центра навещу – говорят, ему лучше. Сошник пока отпадает, он в реанимации. Ну и в охранное агентство наведаясь – может, у них в кадрах что-нибудь откопаю. Ну и в перспективе – Стоковски. Не век же он будет по посольствам прятаться. Вот так для начала...

– Ладно, годится! – наклонил седую голову генерал. – Только про улики не забывайте. Вся эта амуниция и машина

– эта ниточка тоже куда-то ведет.

– По оружию и шмоткам результатов экспертизы ждем, – солидно объяснил Крячко. – А насчет фургона уже выяснили – он принадлежит некоему Вольнову Константину Петровичу, временно безработному, проживающему на Варшавском шоссе. Якобы в свое время он похоронное бюро затеял открыть, но кишка оказалась тонка. Вытеснили его с рынка, так сказать... А фургончик остался. Именно его и угнали бандиты. Только тут есть одна тонкость. Это мы предполагаем, что угнали, потому что заявления от хозяина не поступало. Связаться с ним пока не удалось – дома его, похоже, нет, на звонки не отвечает. Где он, никто не знает.

– Проверьте морги, – посоветовал генерал. – Не исключено, что у этого Вольнова не только машину отобрали, но и жизнь заодно.

– Сделаем, – лаконично ответил Гуров. – Сами об этом уже думали.

Однако по моргам отправился один Крячко. Гуров не поддержал идею действовать на пару.

– Потеря времени, – сказал он. – А его у нас сейчас мало-вато. И потом, некрасиво как-то толпой по больницам слоняться. Если найдешь что-нибудь – созвонимся.

Он поехал в кардиологический центр, где с подозрением на инфаркт лежал директор «Северного сияния». Подозрения, к счастью, не оправдались, и Туманов уже мог общаться.

Лежал он в отдельной палате, с телевизором и телефоном,

но, похоже, эти приятные мелочи нисколько не добавляли ему настроения. Туманов находился в глубокой депрессии и постоянно терзался мыслями о своем ближайшем будущем, которое представлялось ему безысходным.

– Что Стоковски?! – с горечью сказал он Гурову в начале беседы. – Алмаз у них, конечно, застрахован на огромную сумму. И этот Стоковски может сейчас безмятежно свистеть в два пальца. У него у самого на черный день счет в каком-нибудь «Континенталь-банке» имеется приличный. А что у нас? Сотрут в порошок, обдерут как липку – тот же Стоковски и обдерет, кстати. На фоне этого инфаркт еще как подарок покажется.

– Ну, не стоит так мрачно смотреть на вещи, – попытался успокоить его Гуров. – Вот увидите, найдем мы ваш алмаз. Только уж помогите нам, пожалуйста. Вот, например, у вас самого, Венедикт Сергеевич, мысли какие-нибудь насчет похищения имеются, подозрения какие-нибудь? Ведь это же ясно – тут непременно замешан кто-то из вашего окружения, кто-то хорошо знавший устройство выставки. Вы вот упомянули насчет страховки – не это ли могло быть мотивом преступления?

Гуров спросил об этом больше для очистки совести, поскольку Туманов первым коснулся щекотливого вопроса, но, как выяснилось, директор центра даже не думал о подобной версии.

– Ну что вы! – сказал он, вздыхая. – У этого Стоковски

безупречная репутация. Это же Австралия! Каторжники там давно перевелись. Попадись он сейчас на подобной афере... Да что там! Всего один намек – и тут же все двери для него навсегда закрыты. Там с этим строго. Тылы у него надежные – не то что у нас.

– Ну, наш бронепоезд тоже стоит на запасном пути, – возразил Гуров. – Однако, если иностранцы отпадают, значит, кто-то из наших постарался, верно? Кто бы это мог быть, не догадываетесь? Может быть, кто-то из вашего коллектива вел себя последнее время подозрительно? Может, уволился кто-то, заболел или еще что-нибудь?

– Я вот заболел, – сокрушенно сказал Туманов и быстро добавил: – Но я тут ни при чем, клянусь!

Гуров невольно улыбнулся – с такой горячностью были произнесены эти слова.

– Признаю, действовали мы в ту ночь не лучшим образом, – продолжал Туманов. – Наделали ошибок. Но вы примите во внимание, во-первых, естественное волнение. Подумайте – наутро должно состояться открытие, ценностей на миллионы, а тут бомба! У кого хочешь голова кругом пойдет. Я как только представил себе все это – взрыв, гарь, пожар, – мне сразу дурно сделалось. Сошник, между прочим, отговаривал. Советовал не обращать внимания на звонок. Как в воду смотрел. Но почему-то такой провокации никто не предполагал. Вот вам, кстати, и ответ на ваш вопрос насчет подозрений. Не было никаких подозрений, потому так

и вышло. Мы все на теракте заиклились. Шутка ли, сколько уже взрывов в Москве было!

— Это верно, — кивнул Гуров. — Значит, среди сотрудников центра никого выделить не можете. Ну, а налетчиков видели? Никто вам знакомым не показался?

— Видел мельком, — признался Туманов. — Слава богу, издали. Если честно, как только все началось, мы с австралийцем у меня в кабинете заперлись. Я ведь не Сильвестр Сталлоне, как видите... Да и господин Стоковски тоже в бой не рвался. Он даже больше моего в штаны наложил. Короче, голову совсем потеряли. Нам бы милицию вызвать, ОМОН, а мы все с нашим Деевым пытались связаться по сотовому. А Деев-то, бедолага... — Туманов махнул рукой и замолчал.

— Да, не повезло, — сказал Гуров. — Хотя объективно он в этом сам виноват. Практически охрана была не готова. А вот скажите, кто отдал приказ отключить сигнализацию и отпереть двери?

— Да я и отдал, — покаянно сказал Туманов. — Кто же еще? На основании общего решения. Хотелось поскорее разделаться со всем этим. Теперь, конечно, все шишки на меня посыплются...

— Ну, будем надеяться, что не все, — успокоил его Гуров и поднялся. — Значит, в своих сотрудниках вы уверены и они все сейчас на месте?

— У меня сегодня мой заместитель был, — сумрачно ответил Туманов. — В центре все спокойно, насколько это воз-

можно. Работа идет. Открытие отложено, как вы слышали, но выставку сворачивать мы пока не намерены. Ждем, когда Стоковски даст о себе знать. Он сейчас усиленные переговоры со своими партнерами ведет. Как они там за океаном решат, так и будет. А наши сотрудники все на месте. Можете в любой момент с ними побеседовать.

– Я так и сделаю, – пообещал Гуров. – Только немного попозже. А вы выздоравливайте и, главное, не вешайте нос. Еще не вечер.

Из кардиологического центра он сразу поехал в офис охранного агентства «Триггер». У Гурова было предчувствие, что концы следует искать в первую очередь именно там. Крячко еще не давал о себе знать. Любопытно, удастся ли ему что-нибудь обнаружить? Проверять морги – не самое увлекательное занятие, но следует признать, генерал совершенно прав – очень много шансов за то, что владелец черной машины с надписью «Камелия» на боку находится как раз в морге. Если, конечно, он не участвовал в нападении лично и не находится сейчас в бегах.

В офисе «Триггера» Гурова встретили настороженно, но вежливо. Руководил охранным агентством громадный, чрезмерно располневший и безмерно озабоченный человек по фамилии Вагин. На его туловище не сходился никакой пиджак, а рукава едва не лопались на чудовищных бицепсах. Виски у него были седые.

– Вот, были и мы когда-то рысаками, – будто извиняясь,

сказал он подтянутому, строго держащему форму Гурову. – Я ведь раньше командиром батальона был, чемпионом округа по вольной борьбе. А как на сидячую работу перешел, так меня и разнесло. И ведь откуда что берется, не пойму! Работа – одни нервы, а поди ж ты!.. Вы вот говорите, по поводу «Северного сияния» пришли? Чертовски неприятная история! И не первая, к сожалению. Примерно раз в год что-то случается. Ну, естественно, приходится на тяжелые вопросы отвечать и компенсации выплачивать... Я имею в виду погибших. В этот раз, конечно, особенно скверно вышло. При чем я-то думал, что с Деевым такого никогда не может случиться. А вышло совсем даже наоборот... Что-то менять уже пора – в смысле подготовки, оснащения, да и правовой базы, наверное, тоже... Как хотите, а наши ребята психологически не готовы к таким инцидентам. Это же настоящий бой! Диверсионная атака!

– Вам виднее, – заметил Гуров. – Но меня сейчас больше интересует не то, что ваши хлопцы оказались не готовы, а то, что нападавшие были как раз подготовлены очень хорошо. Посему два вопроса – как полагаете, налетчики имели военную подготовку? Основываясь на фактах вам известных.

Вагин пожал необъятными плечами.

– В какой-то степени, конечно, должны были, – сказал он, – но, учитывая нынешние реалии, я бы поостерегся это предполагать. Сейчас масса возможностей получить подготовку, сходную с боевой. Хотя, судя по рассказам ребят, нер-

вишки у этих бандитов стальные. Не исключено, что быть под огнем для них дело привычное. Неприятно признавать, но нос нам утерли хорошо... Однако вы говорили, у вас два вопроса?

– Второй совсем простой, – сказал Гуров. – У Деева, насколько я понимаю, была своя группа, которой он руководил, верно? В этот раз группа обеспечивала безопасность «Северного сияния». Какова была ее общая численность и не было ли в ней, случайно, человека, который принимал участие в охране выставки, но после налета каким-то образом исчез? Ну, не знаю, не вышел на работу, взял больничный... Вообще-то мне необходимо побеседовать со всеми, но если есть такой человек, то с ним, сами понимаете, в первую очередь...

Вагин, насупившись, посмотрел Гурову в глаза.

– Вот, значит, куда клоните, – хмуро сказал он. – Ну что ж, вполне логично. Тем более что и в самом деле есть такой человек. Валера Голубцов из группы Деева. Он второй день на работу не выходит. Мать звонила – болен. Я вам дам его адрес.

Глава 3

Полковнику Крячко совсем не улыбалось совершать экскурсию по всем столичным моргам, поэтому вначале он просто попытал удачу, ограничившись звонками по телефону. Однако, как того и следовало ожидать, покойника под именем Вольнова Константина Петровича в моргах не числилось. Значит, нужно было искать неопознанный родственниками труп, но Крячко сам никогда Вольнова в глаза не видел. Этот недостаток требовалось изжить в первую очередь.

В распоряжении Крячко имелись только бумаги Вольнова из ГАИ, где не было даже фотографии. Поэтому хочешь не хочешь, а пришлось ехать к Вольнову на Варшавское шоссе – искать концы. В глубине души Крячко надеялся, что ему повезет и Вольнов неожиданно окажется жив – покойники его мало вдохновляли.

Квартира Вольнова находилась в старом пятиэтажном доме в глубине квартала. Узкий двор без признаков растительности был засыпан снегом. Под окнами первого этажа был салатного цвета «Москвич» с заиндевевшими стеклами. По причине мороза двор был пуст, и перекинуться парой слов было не с кем. Пришлось сразу направляться в подъезд.

Попытка дозвониться в квартиру закончилась ничем. Если Вольнов и был жив, то к общению явно не стремился. Скорее всего, в квартире его и не было.

Крячко постучался в двери напротив. После долгих расспросов, объяснений и звяканья многочисленными цепочками дверь ему все-таки открыли. Однако пожилую усталую женщину, что стояла на пороге, не убедило простодушное лицо гостя, и окончательно она успокоилась, только как следует рассмотрев удостоверение оперуполномоченного.

– Сейчас много народу по квартирам шастает, – объяснила она свою бдительность. – И цыгане, и гадалки, и подписи собирают, и вояжеры всякие... Только и жди, что кошелек из прихожей уведут.

– Кошелек нужно не в прихожей хранить, гражданочка! – заботливо сказал Крячко. – Получше места есть.

– А что там в кошельке? – с удивительной непоследовательностью сказала женщина. – Слезы одни. И своруют – не жалко. А вы не воров, случайно, ищете?

– Да как сказать... – замялся Крячко. – Пока вот только насчет вашего соседа справки навести хочу. Вы Вольнова из квартиры напротив знаете?

Женщина на секунду задумалась.

– Да как не знать, – неохотно призналась она. – Знаю, конечно. А в чем дело?

– Машину у него угнали, – объяснил Крячко. – Выясняем обстоятельства. Только никак его дома застать не можем. Может, вы в курсе, где он?

– Ну вот еще! – независимо сказала женщина. – Буду я еще за соседями следить! У меня и своих дел полно. А Воль-

нова я, почитай, неделю уже не видела. И про машину от вас первого слышу. Правда, катафалк этот его я тоже давно не вижу. Он его обычно прямо под окнами бросал, а тут что-то перестал. Может, потому что мороз?

– Очень может быть, – согласился Крячко. – Хотя, когда машину угоняют, ее при всем желании под окном не поставишь. Жалко, что вы ничего про соседа не знаете. Я так надеялся...

– От меня вам толку мало, это верно, – сказала женщина. – А вы вот на пятый этаж поднимитесь. Там у нас один непутевый живет – Лопатин Ванька. Только его все Черносливом зовут. Чернослив и Чернослив – он по-другому уж и не отзывается. Автомехаником когда-то был, золотые руки имел. Все пропил! Вот он с Вольновым какие-то дела имел. То в машине у него ковырялся, то грузчиком... Он может знать, где сейчас Вольнов.

– Ага! Спасибо! – обрадовался Крячко. – Тогда я сразу наверх. А он у себя, как вы думаете?

– А где ж ему быть? – удивилась женщина. – Не работает нигде. На что живет – не знаю. Все время на дворе отирается.

Чернослив действительно оказался дома. Гостя впустил сразу, не выясняя ни намерений, ни личности. Провел на грязную кухню и только тут, будто проснувшись, с надеждой поинтересовался:

– Может, того?.. Я мигом сгоняю! У тебя как с монетой?

– С монетой у меня, друг, неважно, – признался Крячко,

с любопытством рассматривая захламленное помещение. – Сам понимаешь, в МВД много не платят – на энтузиазме работаем.

Чернослив открыл рот. На его морщинистом нездоровом лице появилось выражение растерянности и подобострастия.

– Ты... Ты стой! Ты из милиции, что ли? – жалобно спросил он. – Так это... Ты не обращай внимания! Шучу я. Я вообще, можно сказать, в завязке.

– Давно? – полюбопытствовал Крячко.

– Со вчерашнего утра, – солидно ответил Чернослив и, помявшись, спросил осторожно: – А вы, гражданин начальник, по какому, извиняюсь, вопросу? Может, я и ни при чем вовсе? Как в газете пишут, судебные ошибки – самые страшные, потому что подрывают веру человека в справедливость.

– Начитанный ты, – вздохнул Крячко. – А тут не то что газету – на часы посмотреть некогда. Эту самую справедливость восстанавливаем не покладая рук. Вот, например, есть информация, что у твоего соседа со второго этажа машину угнали. Допустим, машина-то нашлась, но ведь этого мало! Преступники должны понести наказание, верно?

– Должны, – механически подтвердил Чернослив.

– В том и суть, – важно продолжал Крячко. – А как их найти, когда от потерпевшего даже заявления не поступало? И сам он куда-то исчез.

– Вы про Константина Петровича, что ли? – с сомнени-

ем произнес Чернослив. – Да вроде не угоняли у него машину-то... Не жаловался он. Я его недавно совсем видел. Все в порядке у него было. И машину он куда-то на капитальный поставил. Говорил, обещали ему из нее конфетку сделать.

– Вот как? – насторожился Крячко. – И куда же это он ее поставил, на какую кондитерскую фабрику?

– Не на фабрику, конечно, а в мастерскую, – не реагируя на юмор, ответил Чернослив. – Я вот тоже спрашивал у него, кому он машину отдал, а он на это только улыбается, мол, места надо знать... А я так думаю – если у него ее угнали, значит, не те он места искал. Кинули его просто. Хотя, с другой стороны, не жаловался он, – тут Чернослив, запутавшись, надолго задумался и совсем неуверенно закончил: – Опять же, если вы говорите... И машины не видать, правда. И самого Константина Петровича тоже... Где же он?

– Так это я у тебя спрашиваю – где он может быть, – сказал Крячко. – Дверь никто не открывает, на звонки не отвечает. Чем вообще этот Вольнов занимается?

– Да так, по бизнесу, – уклончиво сказал Чернослив. – Одно время похоронку организовал. Только не пошло дело. Фруктами торговал. Потом это... В фирме экспедитором работал – с начальником полаялся. А последнее время вроде как частным извозом занялся. Грузы какие-то возил по области и за пределы тоже... Ну а тут вроде не сезон, и машина барахлить стала...

– С кем он дело-то имел? – уточнил Крячко. – Знаешь

кого-нибудь? Где этих людей найти можно?

Чернослив неодобрительно пожевал потрескавшимися губами, покрутил головой.

– Да правду сказать, не с теми он связался, гражданин начальник! – сказал он и тут же, словно испугавшись, добавил. – То есть это на мой вкус, конечно. Я бы по своему характеру лучше бы последнему русскому латрыге поверил, чем этим... – он презрительно махнул рукой.

– Ага, значит, Вольнов с нерусскими компанию водил, – догадался Крячко. – А с кем конкретно? С американцами, а может, с индусами?

– Ну, с индусами! – криво улыбнулся Чернослив. – Скажете тоже. С армянами! Тут через два квартала ихнее кафе есть. Там они все и собирались. Константин Петрович, припоминаю, все какого-то Нодара упоминал... Нодар ему работу давал.

– Нодар – вроде не армянское имя, – усомнился Крячко.

– А бог их знает! – беззаботно махнул рукой Чернослив. – Одно слово, горцы. Как их различишь?

– Значит, говоришь, два квартала? – задумчиво проговорил Крячко и, полезши в карман, вытащил потрепанный бумажник. – Придется заглянуть. А ты, Ваня, вот что – если вдруг услышишь что про Вольнова или увидишь – звякни, будь другом, по этому телефончику и спроси полковника Крячко!.. Буду очень тебе признателен. А чтобы ты не думал, что это просто слова, вот тебе некоторым образом

аванс. Только чересчур не напрягайся, ладно? Все хорошо в меру!

Крячко ушел, оставив Чернослива потрясенно рассматривать упавшие на него с неба пятьдесят рублей и визитную карточку с номером служебного телефона, а сам отправился искать кафе. Мысленно Крячко уже примерно представил себе фигуру господина Вольнова – неудачливого коммерсанта и неуживчивого человека, с каждым годом неуклонно скатывающегося на все более низкий уровень, но еще пытающегося шевелить лапками. Такой, чтобы продержаться на плаву, пойдет на все. И ведь никто пока не доказал, что машину у Вольнова угнали. Это всего лишь предположение. Он вполне мог сидеть за рулем той самой машины.

Косвенно такую возможность подтверждал и рассказ Чернослива – оказывается, свой фургончик Вольнов совсем недавно ставил на капитальный ремонт. Это вполне могло означать, что машину готовили к серьезной работе, доводили, что называется, до ума. Недаром Вольнов не назвал бывшему автомеханику адреса мастерской. Но, возможно, эта мастерская имеет какое-то отношение к армянскому кафе и к человеку с грузинским именем Нодар? Правда, в показаниях оставшихся в живых охранников не было даже намека на особую национальную принадлежность нападавших, но, с другой стороны, человек редко меняет круг своих знакомств, и если господин Вольнов впутался в преступление, то, скорее всего, не выходя из своего привычного круга.

Впрочем, все это пока были только предположения, и Крячко сильно надеялся, что, посетив кафе, где подвизался Вольнов, ему удастся составить более реальную картину.

Заведение он нашел без труда. Кафе называлось «Ара-рат», что подтверждало «армянскую версию» Чернослива. Впрочем, совсем не исключалось, что дух в этом заведении вполне интернациональный – в бизнесе нет предрассудков, в том числе и расовых.

В небольшом сумрачном зале пахло хлоркой и въевшейся в потемневшие стены масляной гарью. Впрочем, скатерти на столиках были девственно-белыми и хрустящими, а светло-волосая официантка с грустным миловидным лицом вежливой и предупредительной.

Она подошла тут же, едва фигура Крячко возникла на пороге.

– Желаете пообедать? – Голос у девушки был проникновенный, почти ласковый. – Выбирайте любой столик. У нас сейчас тихо. Раздеться можно вот здесь, направо...

Крячко огляделся. Действительно, в кафе все было тихо и пристойно. Пузатый бармен за стойкой строго перетирал высокие стаканы, из приоткрытой двери кухни доносился аппетитный запах скворчащего мяса и мягкий стук ножей. За дальним столиком компания из четырех человек чинно поглощала дымящийся шашлык, запивая его красным вином из большой оплетенной бутылки. Двое из этой четверки были типичными кавказцами. Попивая вино, они о чем-то

негромко беседовали.

– Для обеда вроде рано? – добродушно сказал Крячко, почесывая нос. – А вот пивка я бы, милая, выпил. Как у вас тут насчет пива?

– Вас какое интересует? – заботливо поинтересовалась официантка. – Импортное, наше? Присаживайтесь, я сейчас принесу.

– Да ты за меня не беспокойся, – улыбнулся Крячко. – Отдохни пока. А я вот у стойки приткнусь, без затей... – И он, не раздеваясь, направился к бару.

Пузатый бармен с любопытством посмотрел на него, но продолжал невозмутимо делать свое дело. Мужской персонал здесь, похоже, знал себе цену.

– Салют! – произнес Крячко, облакачиваясь на стойку. – Как насчет кружечки светлого пива?

– Какое предпочитаете? – уважительно спросил бармен, откладывая в сторону полотенце.

– Все равно, – ответил Крячко. – Я человек простой. В мои времена пиво только двух сортов было – в бутылках и разливное. Поэтому я на такие пустяки внимания не обращаю, понимаешь?

Бармен приподнял одну бровь и молча нацедил полную кружку пива. Поставив ее перед клиентом, он выжидательно посмотрел на него.

– Еще что-нибудь? – спросил он.

Крячко обмакнул губы в пену, глотнул и заключил:

– Пока ничего, а там посмотрим!

Бармен кивнул и привычно потянулся за стаканом. Крячко с удовольствием отпил еще глоток и, будто вспомнив, сказал небрежно:

– Да, я ведь одного человечка ищу! Сказали, он тут часто бывает. Нодар его имя. Знаешь такого?

Крячко видел, как напряглось лицо бармена – всего на мгновение. Однако он тут же взял себя в руки и с прежней невозмутимостью проговорил:

– Нодар? Не припоминаю, – он убежденно покачал головой. – Вы говорите, он часто здесь бывает?

– Это не я говорю, – пояснил Крячко. – Народ говорит. А народ, как известно, никогда не ошибается.

Бармен безразлично пожал плечами.

– У нас многие бывают, – согласился он. – Приходят, кушают, вино пьют. Мы никому не запрещаем, если приличный человек.

– А Нодар, значит, приличный? – кивнул Крячко.

Бармен секунду помедлил и с расстановкой сказал:

– Не знаю Нодара. Ни разу не слышал.

Крячко подумал, что, пожалуй, произнес он это чересчур громко – с расчетом, чтобы слова услышали в зале. Да еще и подмигнул в этот самый зал – ну, не то чтобы подмигнул, но сделал что-то неуловимое глазом, чего посторонний и не заметит, а свой поймет сразу. Выдержав паузу, Крячко оглянулся.

Трапеза за тем, единственным столиком как будто бы закончилась. Двое русских, правда, еще сидели со стаканами в руках, напряженные, точно на групповом фотоснимке, зато оба кавказца явно торопились покинуть кафе. Один уже всю шагал к раздевалке, а другой, поднявшись из-за стола, то ли искал деньги расплатиться, то ли раздумывал, в какую сторону лучше улизнуть.

Крячко вспомнил поговорку про двух зайцев и не стал разбрасываться. Он тут же повернулся и пошел вслед за тем, что спешил в гардероб. Кавказец на это никак не отреагировал, но, дойдя до цели, вдруг сорвался с места и, как был, в одном костюме пулей выскочил на мороз. Входная дверь захлопнулась за ним с такой силой, что едва не выскочили стекла.

Крячко рванулся было за беглецом, но что-то его вдруг остановило. Он круто повернулся и увидел, что уже второй кавказец пытается дать деру, причем совершенно в ином направлении – через кухню. Одновременно с улицы донесся панический рык автомобильного мотора, и Крячко сообразил, что первого кавказца ему, пожалуй, уже не догнать. «Этого мы теряем, – с черным юмором подумал Крячко. – Ну и черт с ним!»

Уже не отвлекаясь, он бросился догонять второго. Все это произошло в одну секунду. Кавказец с заметно побледневшим лицом метнулся к внутренним дверям зала, по пути опрокинув под ноги Крячко столик. Помещение наполни-

лось грохотом и звоном.

Крячко, чудом не упав, перепрыгнул через ошетилившийся ножками столик, выругался и следом за кавказцем влетел в наполненную паром кухню. На мгновение здесь воцарилась немая сцена – серьезные мужчины с ножами в волосатых руках замерли возле своих плит и разделочных досок. Слышался только свист подгорающего масла и гул газа в горелках.

Крячко не стал задерживаться и выскочил в ту же дверь, что и кавказец. Он очутился на заднем дворе, где стоял грузовик с опущенным бортом, какие-то металлические бочки и пирамида пластмассовых ящиков из-под пива. Едва Крячко появился, как эта пирамида обрушилась на него – не без посторонней помощи, конечно. Увертываясь от сыплющихся на него ящиков, Крячко пробился вперед и увидел, как из-за угла, сжигая покрышки, вывернула черная «Волга». Беглец мчался прямо к ней.

«Да у них тут все продумано! – удивился Крячко и прямо на бегу достал свой пистолет. – Эти ребята не фруктами торгуют! Они сами – фрукты...»

Он, не раздумывая, выпалил вверх и не своим голосом заорал:

– Стоять! Милиция!

В ответ в окрестных домах захлопали форточки, но кавказец даже не оглянулся. Он был уже рядом с «Волгой» и что есть силы рванул на себя дверцу. Крячко остановился, за-

держал дыхание и в последнюю секунду успел прицелиться в заднюю шину «Волги». Выстрел прозвучал одновременно с хлопком дверцы. Машина сорвалась с места и выкатилась со двора. Но из-за простреленного колеса она не смогла сразу набрать скорость, и ее поволокло вправо. Воодушевленный Крячко бросился догонять.

«Волга» с морозным скрипом развернулась на мостовой, и вдруг боковое окошко в ней разлетелось вдребезги, и оттуда по Крячко хлестнул выстрел. От неожиданности он поскользнулся на тротуаре и хлопнулся оземь, потеряв шапку.

Возможно, эта неловкость спасла ему жизнь. Потому что несколько пуль просверлили воздух как раз в том месте, где только что возвышалась его фигура. «Волга» зарычала и, набирая скорость, покатила прочь, юля и шлепая изжеванной крышкой. Оголившийся обод высек из ледяного асфальта плотный пучок искр.

Крячко не спешил подниматься. Улица, как нарочно, была пуста, и было грех не поупражняться в стрельбе из положения лежа. Но он расстрелял всю обойму, прежде чем удалось подбить второе колесо убегавшей «Волги». У ближайшего перекрестка машина вдруг замерла, ее пассажиры выскочили из салона и бросились наутек – оба в разные стороны.

Крячко не стал перезаряжать магазин и сразу помчался в погоню. Он не стал ломать голову над выбором и сел на хвост тому же типу, которого гнал через кухню. Стрелял,

несомненно, он и, вероятно, был особенно опасен.

У кавказца было несколько секунд форы, и он использовал их в полной мере. Когда Крячко забежал в проходной двор, в подворотне которого только что скрылся беглец, там уже никого не было, кроме мирных обывателей, занятых своими делами.

Крячко с досадой оглянулся. На крышах домов серебрился снег. В дальнем углу двора какая-то женщина ругалась с дворником. У ближайшего подъезда дурачились парни, по виду школьники. Мужчина в норковой шапке обметал снег с вишневых «Жигулей». На Крячко он посмотрел спокойно, без любопытства. Только когда заметил в его руке пистолет, заметно изменился в лице.

– Я из милиции, – буркнул Крячко, подходя ближе. – Тут должен был пробегать такой... смуглый, без пальто. Не видели, куда побежал?

Мужчина молча покачал головой. По его глазам было ясно, что он все видел, но еще не прикинул, что выгоднее – смолчать или признаться. «Так и будет теперь весь день прикидывать – до самой ночи, – зло подумал Крячко. – Времени нет, а то бы я с тобой разобрался, пацифист хренов!»

Он повернулся и заметил, что парни, канителившиеся у подъезда, робко подошли к нему поближе. Они тоже углядели пистолет, и это неожиданным образом расположило их к незнакомому сердитому мужчине с непокрытой головой. Возможно, они приняли Крячко за «крутого». А мо-

жет быть, они не очень правильно понимали национальный вопрос.

– А мы видали, куда этот «черный» в пиджаке побежал, – вдруг сказал парнишка, который выглядел старше остальных. – Он вон в тот подъезд напротив запрыгнул. Летел как угорелый... А это вы сейчас стреляли?

– Вы вот что, братва, – деловито сказал Крячко, перезаряжая оружие. – Валите-ка со двора подальше! Пуля, она, как известно, дура, а вам еще жить и учиться. Строить, как говорится, новую Россию. Я-то, конечно, буду стараться аккуратнее, а вот за других не отвечаю. Этот в пиджаке – человек опасный.

– Так плюньте вы на него! – посоветовал кто-то юношеским баском. – В другой раз подкараулите. С пацанами.

– Он мне сейчас нужен, – возразил Крячко. – А пацанам пусть пока кто-нибудь из вас звякнет, ладно? Они мигом приедут. Вы только наберите 02 и скажите, что по вашему адресу полковник Крячко преступника преследует. Мне самому теперь некогда.

Сказав это, Крячко пробежал через двор и скрылся в указанном подъезде. Ему не очень верилось, что подрастающее поколение выполнит просьбу. Ему даже показалось, что на юных лицах отразилось нескрываемое разочарование, когда выяснилось, что человек с пистолетом – всего-навсего мент, а не «правильный пацан», на которого хочется равняться. Значит, приходилось рассчитывать только на свои

силы. «Лишь бы этот сукин сын не ушел! – думал Крячко, осторожно выглядывая наверх из-под лестницы подъезда. – Запросто ворвется в любую квартиру, а там через балкон... Эх, знать бы заранее, так хоть бы стажера какого с собой захватил! Крутись теперь, как угорь на сковородке...» Ему пришло в голову, что милиция все равно должна вскоре подъехать – стрельбу и погоню наблюдали многие – кто-нибудь из свидетелей наберет 02 непременно.

Напарника катастрофически не хватало, но мечтать о несбыточном Крячко не собирался. В крайнем случае в активе у него все равно оставались брошенная «Волга», кафе «Арарат» и, возможно, одежда обоих беглецов, но на это Крячко рассчитывал в последнюю очередь. Одежду было кому прибрать. Крячко не сомневался, что в кафе сейчас объявлен срочный шмон в целях сокрытия следов, которые могут указать на связь между хозяевами и беспокойными клиентами. Занятие, по мнению Крячко, бесперспективное, потому что в таком случае лучше всего уничтожить все заведение целиком. А так рано или поздно найдется доброжелатель, который шепнет оперативникам заветное словечко. Просто времени жалко. Но кто мог знать, что Крячко попадет с утра в такой переплет? Все морги давно вылетели у него из головы.

В подъезде было тихо. Возможно, худшее уже свершилось, и преступник затаился в какой-то квартире, заткнув хозяевам рот. Или того чище – давно уже бежит рысцой по

переулкам, с каждой минутой удаляясь от того места, где ма-
ется полковник Крячко с пистолетом.

Но вполне могло получиться и по-другому. Народ сейчас
неохотно отпирает двери незнакомцам. Многие вообще на
работе. Преступник тоже в цейтноте. Не исключено, что он
застрял в подъезде в надежде, что пронесет.

Крячко осторожно стал подниматься по ступеням и вско-
ре с удовлетворением понял, что, кажется, не ошибся. Он
не мог сказать, в чем тут дело, но по каким-то почти неошу-
тимым признакам он чувствовал присутствие в подъезде по-
стороннего. И, чем выше поднимался, тем это ощущение ста-
новилось реальнее. Там наверху кто-то прятался! Его напря-
женное дыхание едва уловимым эхом тревожно шелестело
вдоль стен.

Когда перед ним остался последний пролет, Крячко оста-
новился и крикнул:

– Все, вагон идет в депо! Выходи! Медленно и с подняты-
ми руками! Стрелять буду без предупреждения.

Ответом ему была тишина. Но Крячко мысленным взо-
ром отчетливо видел этого типа, взъерошенного, бледного,
по-звериному готового к прыжку и драке. Ждать было бес-
смысленно – в любую минуту кто-то мог выйти из квартиры,
и тогда все неминуемо осложнилось бы. Приходилось риско-
вать. Крячко шагнул на следующую ступеньку.

И в этот момент во дворе завывла милицейская сирена. У
Крячко немного отлегло от сердца, и тут сверху вдруг донес-

ся хрипловатый неприятный голос, говоривший с заметным южным акцентом:

– Спокойно, мент! Я выхожу. Смотри, не шмальни! Я без оружия.

Последняя фраза прозвучала с явной издевкой, и Крячко всполошился. «Сбросил ствол! – подумал он. – Когда же успел?» И вдруг его будто что-то кольнуло – мусоропровод! В подъезде имелся мусоропровод. «Просеять сквозь самое мелкое сито! – решил он мысленно. – Пушка наверняка там».

Сверху размеренно и лениво зашаркали шаги. С лестницы прямо на Крячко спускался стройный смугловатый парень в помятом костюме. Руки его были сцеплены на затылке. В глазах была ненависть.

Глава 4

Молодые и тренированные болеют редко, размышлял Гуров, но на дворе зима, грипп, все может быть. Для Валеры Голубцова было бы, конечно, лучше, если бы он и вправду заболел. В противном случае его поведение выглядело бы предельно подозрительным. Из устной характеристики, которую дал Голубцову Вагин, следовало, что этот молодой человек отнюдь не склонен к легкомыслию, исправно выполняет свои обязанности и постоянно совершенствует профессиональные навыки. В качестве единственного недостатка начальник отметил замкнутость Голубцова, его не слишком простой характер.

– Он всегда держится немного обособленно, понимаете? – объяснил Гурову Вагин. – Ни с кем из ребят дружбы не завел. Смену отбарабанил – и домой. Что у него на самом деле за душой, никто не знает... Вот сказал вам об этом, а у самого на душе кошки скребут. Вроде как пальцем на человека указал – держи вора! А Голубцов, может, ни сном ни духом...

– Да ведь никто и не говорит, – ответил на это Гуров, усмехаясь. – Я ведь, господин Вагин, человек конкретный. Мне доказательства подавай, улики! А то, что человек с кем-то там дружбы водить не хочет, – за это в тюрьму не сажают. Вы не беспокойтесь, мы все проверим самым тщательным образом.

Проверить Гуров поехал домой к Голубцову – в Нагатино, где тот проживал на улице Высокой вдвоем с матерью. Его появления там явно не ждали. Мать Голубцова – худощавая женщина лет пятидесяти, с поблекшим сероватым лицом, на котором отсутствующее выражение странным образом мешалось с озабоченностью, не хотела открывать Гурову дверь. Даже внимательнейшим образом изучив через дверную цепочку его служебное удостоверение, Валентина Ивановна – так звали Голубцову – долго колебалась, прежде чем позволила оперуполномоченному переступить порог.

– А зачем? У Валеры нет никаких дел с милицией, – настойчиво повторяла она. – И вообще он сейчас болен. Может быть, вы его с кем-то спутали, а теперь пугаете меня. Мало ли в Москве Голубцовых! Теперь у меня наверняка давление подымется...

– Вы извините за беспокойство, Валентина Ивановна, – в десятый раз повторил Гуров. – Но спутать вашего сына мы ни с кем не могли. Ведь он работает охранником в агентстве «Триггер»? Ну вот видите! Мне просто нужно задать ему несколько вопросов по работе. Это связано с преступлением, оттого такая срочность.

– А при чем тут Валера? – подозрительно спросила Голубцова. – Там у них больше некому ответить на ваши вопросы, что ли?

– А мы всех опрашиваем. Ваш сын, естественно, не исключение. Кстати, он что-нибудь рассказывал вам о своей

работе?

— Как же, рассказывал! Да из него лишнего слова не вытянешь! — с некоторой обидой сказала Голубцова. — Спросишь, что на работе, а он — да все нормально, мать, — вот и весь рассказ!.. А что? Что-нибудь случилось?

— Да так, неприятности, — уклончиво ответил Гуров. — На объекте, что ваш сын охранял, одна вещь пропала. Его, правда, на работе в тот день не было, но, может, он что-нибудь знает...

— Да что же он знать может, если, сами говорите, его не было! — с вызовом парировала мать. — Больного только зря будете беспокоить!

— Да я совсем недолго, — пообещал Гуров. — Всего два вопроса. Вы проводите меня к сыну, пожалуйста, а я постараюсь не задерживаться. У него простуда, по-видимому?

И вдруг Голубцова растерялась. Гуров увидел, как у нее задрожали руки, а лицо вдруг сделалось жалким и пошло розовыми пятнами.

— Так это... — пролепетала она. — Я даже не знаю... Понимаете, Валеры нет дома.

— Как это нет? — нахмурился Гуров. — Вы звонили, что он тяжело болен — высокая температура... С какой стати он вдруг на прогулку отправился?

— Ну вот еще, на прогулку! — Голубцова пыталась хорохориться, но у нее это плохо получалось. — Он в поликлинику пошел.

– Почему же не вызвали врача на дом? – строго спросил Гуров. – Впрочем, вам виднее. В таком случае я подожду, пока ваш сын вернется.

Голубцова растерянно завертела головой.

– Может быть, вы лучше завтра зайдете? – без особой надежды спросила она.

– Валентина Ивановна! Вы чего-то не договариваете! – повысил голос Гуров. – Вы же умная женщина, должны понимать, что ваши слова мы можем без труда проверить. Поэтому объясните-ка лучше толком, что тут у вас происходит. Очень не хотелось бы напоминать, что грозит тому, кто пытается ввести в заблуждение правоохранительные органы. Давайте поэтому просто руководствоваться здравым смыслом. Итак, где ваш сын?

И тут произошло то, чего Гуров боялся больше всего, – Голубцова внезапно закрыла лицо руками, зарыдала и быстро ушла на кухню. Он, не раздеваясь, прошел следом на кухню. Голубцова сидела у стола, уткнув лицо в рукава домашнего халата. Ее худые острые плечи содрогались от рыданий. Гурову стало неловко, и он постарался замаскировать это напускной строгостью. Найдя чистый стакан, он налил в него воды и поставил на стол перед плачущей женщиной.

– Выпейте воды, вам сразу станет лучше, – сказал Гуров. – И возьмите себя в руки, Валентина Ивановна! Слезами горю не поможешь, как известно. Если ваш сын что-то натворил, нужно думать, как ему помочь. Если совесть его чиста, для

чего эти слезы?

Однако успокоить расстроенную женщину оказалось совсем непросто. Прошло еще не менее десяти минут, прежде чем Валентина Ивановна смогла продолжать разговор. Все еще всхлипывая и пряча опухшие, покрасневшие глаза, она жалобно пролепетала:

– Почему вы пришли? Что натворил мой Валера? Он никогда ни во что не ввязывался. Почему милиция им интересуется?

Гуров, раздосадованный тем, что беседа снова уходит в другое русло, тем не менее заставил себя терпеливо повторить нехитрую историю о неведомых неприятностях на работе и о необходимости опросить всех охранников. Но Голубцову это объяснение не слишком удовлетворило.

– Вы чего-то не договариваете, – повторила она слова Гурова. – Если ничего особенного не случилось, зачем вы беспокоите больного...

Тут Валентина Ивановна осеклась и с испугом посмотрела на Гурова – простым повторением слова «болезнь» ей удалось убедить себя в том, что сын и в самом деле болен, но время от времени она вспоминала об истинном положении дел и тогда ужасно боялась, что ей не поверят. Гуров, разумеется, не поверил.

Он попытался прикинуть в уме, насколько искренне ведет себя Голубцов, и что она знает о похищении знаменитого бриллианта из здания, которое охранял ее сын. Об этом

происшествия были сюжеты в теленовостях, но еще вопрос – смотрит ли Валентина Ивановна новости. Замкнутые люди и в семейном кругу не слишком-то раскрываются. Не исключено, что сын не был с матерью откровенным вовсе, и тогда он, Гуров, вообще ничего не узнает.

– Вы что-нибудь слышали про выставочный центр «Серверное сияние», Валентина Ивановна? – спросил Гуров.

Голубцова непонимающими глазами посмотрела на него. Ее не интересовал какой-то там центр – все мысли ее сейчас вертелись вокруг обожаемого сыночка. И это было совершенно естественно.

– Не знаю, – равнодушно ответила Голубцова. – При чем тут это? Чего вы от меня хотите?

– Совсем немного, Валентина Ивановна, – сказал Гуров. – Я должен поговорить с вашим сыном. Или хотя бы знать, где он. Ведь он не болен, верно? Почему же он не пошел на работу и заставил вас врать по телефону?

– Он не заставлял, – упрямо сказала Голубцова. – Мальчик просто устал. У него такая напряженная работа – ночные дежурства и вообще... Он говорил, что хочет отдохнуть, побыть лишний день дома, а рано утром вдруг собрался и ушел.

– Куда?

– Я не знаю куда! – почти истерически выкрикнула Голубцова. – Я сама уже вся извелась! Не знаю, где он, что он... Но ведь он никогда не скажет, куда идет. Если у вас есть взрос-

лые дети, вы должны меня понять.

– Нет, детей у меня, к сожалению, нет, – покачал головой Гуров. – Но я вас вполне понимаю. Дети вырастают, у них своя жизнь, они куда-то уходят, а нам остается только ждать. Все, что могли, мы уже сделали, и поправить ничего нельзя. Что выросло, то выросло.

Голубцова, не слушая его, достала из кармана халата носовой платок, промокнула глаза и высморкалась. Потом она так и осталась сидеть – повесив голову и горестно опустив плечи. Гуров выждал несколько секунд и сказал:

– Ну что же, раз вы не знаете, где сын, тогда я попрошу вас об одном одолжении, Валентина Ивановна. Вернее, о двух. Когда он появится, пусть сразу же свяжется со мной, ладно? Вот по этому телефону... А сейчас, с вашего позволения, я бы взглянул на комнату вашего сына. Это возможно?

– На комнату? – недоверчиво переспросила Голубцова. – Для чего? Странно. Ну, если это вам необходимо...

Она поднялась и, не оглядываясь, пошла к двери, убитая горем, сразу сделавшаяся словно меньше ростом. Глядя на эту женщину, легко можно было представить, как мало понастоящему счастливых дней было в ее жизни.

Комната Валерия ничем особенным не выделялась – разве что подчеркнуто спартанской обстановкой, да тщательно, по-армейски заправленной кроватью. Никаких предметов роскоши, даже дешевого магнитофона. Десятикилограммовые гантели в углу, на полке – книги из серии «Комман-

дос», журналы «Солдат удачи», «Оружие», «Телохранитель» и прочее в том же духе. Широтой интересов хозяин комнаты не отличался. Удивило Гурова только присутствие среди литературы глянцевого брошюры «Курортное побережье Греции» – обложку украшала фотография кремово-загорелой брюнетки на фоне ослепительно синего неба – она явно выбивалась из общего угрюмого ряда всевозможных «секьюрити» и «коммандос», и Гуров подумал, что вряд ли она здесь случайно.

Он осторожно взял брошюру, перелистал в надежде обнаружить какие-нибудь пометки, но не найдя, поставил на место.

– Ваш сын мечтал побывать в Греции, Валентина Ивановна? – спросил он.

Голубцова уставилась на него с каким-то даже страхом – ей, наверное, показалось, что над ней издеваются.

– В Греции? Побывать в Греции? Зачем? – словно в забытьи пробормотала она. – Нет, он никогда об этом не думал. Почему вы так сказали? Вы что-то знаете?

– Нет, просто увидел вот эту книжку, – сказал Гуров.

Голубцова равнодушно проследила, куда указывает его рука, и отчаянно замотала головой.

– Он просто любит читать книжки, – заявила она. – Он не собирался никуда ехать!

Она говорила с такой горячностью, будто желание ее сына поехать куда-то могло свидетельствовать о его преступных

наклонностях.

– Да я вам верю, – мягко сказал Гуров. – Почему вы так волнуетесь? Я просто спросил. Сейчас многие ездят отдыхать за границу...

– Только не мы, – отрезала Голубцова. – Мы не настолько богаты.

Гуров хотел заметить, что для этого совсем не требуется баснословного богатства, но счел за благо промолчать. Судя по всему, Голубцова была воспитана в строгих правилах, и поездка за кордон до сих пор представлялась ей чем-то невероятным, дорогостоящим и почти запретным.

Гуров еще раз окинул взглядом скромное убранство комнаты, подумал о том, что Валерий Голубцов действительно личность предельно скрытная и даже в своих бытовых проявлениях ничем себя не выдающая, и решил больше не ждать у моря погоды.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он Голубцовой. – Спасибо за помощь. Так в случае чего... Телефон мой у вас теперь есть. И не волнуйтесь. Все утрясется. Просто советую в следующий раз как-то иначе решать вопрос об отгулах. Никакое начальство не любит, когда ему врут. Представьте, что вместо меня сюда пришел бы кто-нибудь с работы вашего сына... И вам неудобно, и ему лишние неприятности.

Мать слушала его, никак не реагируя. Наверное, у нее имелось свое мнение насчет того, как следует вести себя с начальством. Слова Гурова только уязвляли ее самолюбие.

С этой женщиной не так-то просто было наладить контакт. Гуров поклонился и пошел к выходу.

Голубцова догнала его уже в прихожей. Гурову показалось, что она хочет что-то сказать ему напоследок, но она так ничего и не сказала и, комкая в руках промокший платок, просто ждала, когда он покинет ее дом. Гуров не стал больше испытывать ее терпение и уже протянул руку к замку, как вдруг по другую сторону двери послышался какой-то шум, лихорадочный скрежет ключа в замочной скважине, и через мгновение дверь распахнулась. В квартиру влетел молодой человек с непокрытой головой, в зеленой капроновой куртке с утеплителем.

Но в каком он был виде! Блуждающие дикие глаза, широкая ссадина на лбу покрыта коркой запекшейся крови, одежда вымазана грязью и во многих местах изорвана, а левый рукав тоже пропитан кровью. Он был смертельно-бледен – то ли от страха, то ли от ранения.

– Мать, быстро... – захрипел он с порога каким-то странным, надорванным голосом и тут же, увидев Гурова, замолчал.

Но прежде чем Гуров успел что-нибудь предпринять, молодой человек стремительно попятился, выскочил на лестничную площадку и с грохотом захлопнул перед ним дверь.

Голубцова страшно закричала и вдруг, оборвав крик, мягко рухнула на пол в прихожей. Гуров, беззвучно чертыхаясь, крутил рычажок замка. Снаружи доносился удаляющийся

ся топот — молодой человек мчался прочь, перепрыгивая через ступеньки.

Ему удалось наконец справиться с замком. С чудовищным грохотом пересчитывая ступеньки, Гуров думал только об одном: настичь во что бы то ни стало!

Он выскочил на улицу в тот момент, когда Голубцов уже подбегал к ожидавшемуся его на противоположной стороне улицы такси. Судя по всему, именно на этом такси он приехал с расчетом на нем же и отбыть — в самые кратчайшие сроки. Голубцов куда-то очень торопился.

Но тут произошло нечто совершенно непредвиденное. Таксист, видимо, с самого начала отнесшийся к странному пассажиру с предубеждением, увидев его спасающимся от кого-то бегством, дрогнул и предпочел не искать неприятностей. Его автомобиль вдруг сорвался с места и, набирая скорость, исчез в потоке машин. Гуров едва успел запомнить номер.

Голубцов не сразу понял, что произошло. Он с разгону вбежал на тротуар и с ошумелым видом уставился на то место, где только что стояло такси. Потом лихорадочно завертел головой и вдруг снова бросился бежать, пытаясь скрыться в ближайшей подворотне. Гуров кинулся за ним.

Но сюрпризы на этом еще не закончились. Едва Валера вбежал под арку ближайшего дома, как откуда-то из-за угла неожиданно выпрыгнула белая «Ока» и в нарушение всяких правил наискосок помчалась по тротуару.

Гуров еще не успел пересечь улицу, как «Ока» скрылась в той же подворотне, и оттуда тут же донесся глухой удар, чей-то душераздирающий крик и короткий треск автоматной очереди. Гуров прибавил ходу и влетел под арку.

Все было кончено. Голубцова, видимо, сначала сбили, а потом прямо из машины прошили контрольной очередью. Его скорчившееся тело лежало в подмерзающей луже крови. Белая «Ока» на глазах у Гурова выехала со двора с противоположной стороны и скрылась. Он рванул из кармана мобильник и быстро набрал номер.

– Дежурный? Это полковник Гуров говорит. Срочно поднимай тревогу! Нужно перекрыть все выезды из Нагатина. И бригаду – на улицу Высокую. Здесь убийство...

Глава 5

– Итак, уважаемые, шороху вы наделали немало, – заявил генерал Орлов, едва Гуров и Крячко переступили порог его кабинета. – Взяли, как говорится, с места в карьер. Подумать только, в один день две перестрелки, труп, вся милиция поднята на ноги...

По тону генерала было не очень понятно, нравится ли ему такая активность или нет. Он сдерживал эмоции, как бы предлагая оперативникам самим оценить свои действия.

– Ну, чего молчите? – продолжил Орлов, пытливо вглядываясь в их лица. – Докладывайте, что за кашу вы там заварили!

– Да, каша заварилась крутая, – согласно кивнул Гуров. – Но это показывает, что мы на правильном пути. Жаль только, что все произошло так неожиданно. Мы оказались не готовы к такому стремительному повороту событий. Я оказался не готов. Никак не предполагал, что визит к Голубцову так закончится. Мы потеряли свидетеля, а мать – единственного сына. Очень печально. Кстати, сама Голубцова сейчас в больнице. Врачи говорят, состояние критическое. Смерть сына подкосила ее в один момент.

– А кто убил Голубцова, выяснили?

– Увы! Преступники успели скрыться раньше, чем милиция перекрыла улицы. Нашли брошенный автомобиль

«Ока», но, как и следовало ожидать, она угнана сегодня утром в западном районе города – толку нам от нее мало.

– Значит, концы опять в воду! – мрачно констатировал генерал.

– Ничего подобного! – запротестовал Крячко. – А я? Я взял кренделя, который был напрямую связан с владельцем черного фургона! Есть сведения, что Вольнов работал в последнее время на Нодара Саная, уроженца города Тбилиси. В Москве даже не зарегистрирован. При задержании оказал вооруженное сопротивление. Плюс в его автомобиле обнаружены наркотики и оружие. Плюс кафе «Арабат», где, похоже, целое осиное гнездо...

– Он дал показания? – резко спросил Орлов.

– Ну-у... Не совсем, – замялся Крячко.

– Понятно. Значит, совсем не дал, – отрезал Орлов. – А вам известно, уважаемые, что адвокат этого типа уже подал протест, и, скорее всего, гостя из солнечного Тбилиси уже сегодня выпустят на свободу?

– Бред какой-то! – возмущенно воскликнул Крячко. – Он в меня стрелял! Какой протест?

– А свидетели? – ядовито спросил Орлов. – Кто может подтвердить твои слова? Насколько мне известно, свидетелей не имеется. В кафе вообще никто ничего не видел, ты взял безоружного человека. Где его пистолет?

– Он его сбросил, – хмуро сказал Крячко. – Но мы его найдем.

– Так же, как наркотики в машине? – презрительно спросил генерал. – Можете, кстати, засунуть их себе в задницу, потому что процедура изъятия была оформлена ненадлежащим образом. Ни один суд не примет этих доказательств во внимание.

– Это мужики из местного отделения лажанулись, – со вздохом сказал Крячко. – Пока я с этим гадом возился...

– Вот и получается, что ничего у нас на этого человека нет, – заключил генерал. – Стрелял один ты, машина не имеет к Нодару Саная никакого отношения, наркотики тоже. Получается, что ты напал на мирного человека, подвергал его жизнь и жизни окружающих людей смертельной опасности, а потом произвел незаконное задержание и оказывал давление на допросе...

– Ну уж тут вот! – сказал Крячко, в сердцах изображая неприличный жест. – Не было никакого давления. У меня на этот случай тоже свидетели имеются.

– Ладно, здесь адвокат, пожалуй, погорячился. Давление исключаем, – неожиданно легко согласился Орлов. – Значит, и выходит у нас с тобой ничья. По нулям, так сказать. Законопослушный гражданин Республики Грузия, гость нашей столицы Нодар Саная выходит на свободу и делает нам ручкой. Очень милая картинка.

– Ничего катастрофического, – вставил Гуров. – Нужно просто повнимательнее присмотреться к бизнесу, которым занимается тут Саная. Раз привык таскать с собой ствол, зна-

чит, не все так просто.

— А я разве сказал, что просто? — вдруг разозлился Орлов. — Сложно! Как раз все сложно, уважаемые! Если ваш Саная и имел какое-то отношение к господину Вольнову, то теперь об этом можно забыть. Теперь он заляжет на дно или, еще чище, укатит к себе в Грузию.

— Ну, все не укатят, — возразил Гуров. — Он же был в машине не один. И в кафе тоже. И вообще, кафе с собой в Грузию не повезешь. Тем более что оно — «Арарат». Эту точку надо взять под пристальное наблюдение. Наверняка узнаем массу интересного. Да и с Саная, я считаю, спешить не стоило бы. Поскольку у него даже регистрации нет, а показания оперативного работника заслуживают более пристального внимания со стороны суда...

— Это Крячко, что ли? — прищурившись, спросил Орлов. — Обязательно! Суд только и ждет, когда Крячко скажет свое заветное слово! Нет, дорогие, у нас теперь, сами знаете как: в области юриспруденции мы движемся по пути всех цивилизованных государств. И если уж вы собираете на кого-то доказательную базу, так собирайте ее так, чтобы комар носа не подточил. Чтобы не оставалось всяких там заусенцев и крючков, за которые будут потом цепляться ушлые адвокаты...

— Да когда ее собирать, базу? — обиженно сказал Крячко. — Я его поймал-то в последнюю минуту! Рискуя жизнью, между прочим. И я же оказываюсь в положении обвиняемого!

Хороша юриспруденция!

– Юриспруденция нормальная, – убежденно заявил Орлов. – А вот некоторые оперативники у нас привыкли действовать кавалерийским наскоком. Надо перестраиваться, господа!

– Доперестраивались уже! – буркнул Крячко, отворачиваясь. – Дальше некуда.

– Ладно, что выросло, то выросло, – примирительно сказал Гуров. – Лишнее подтверждение тезиса, что не царское это дело – налетчиков хватать. У нас скоро вообще тишь да благодать будет. Опера по бульвару будут с тросточкой прогуливаться да с законопослушными бандитами раскланиваться... Ну да это присказка, Петр, не хмурься! Послушай, что я тебе скажу – нехай суд этого Нодара выпускает. Объективно-то рыльце у него в пуху – от Крячко убежал, отстреливался, в машине героин обнаружен... Да тут такой букет, что лет на пятнадцать потянет! Я вот что предлагаю... Нодара за недостаточностью улик выпустят? Значит, нужно раздобыть этих улик в достаточном количестве. Никуда он не денется. Просто пусть он проходит по тому же уголовному делу, что и дружок его Вольнов. Ведь есть факты, что этот Саная использовал тот же автомобиль, что и бандиты, напавшие на выставочный центр? Вот пусть и ответит. Да еще сделать запрос в Министерство внутренних дел Грузии – вдруг они по нему там давно скучают? Мало ли случаев, когда люди под угрозой высылки делались куда сговорчивее?

– Шантаж предлагаешь? – с любопытством спросил Орлов.

– Дело предлагаю! – возразил Гуров. – А если на поводу у адвокатов идти, то лучше просто все тюрьмы поотпирать и по домам разойтись.

– Да ведь никто не подтвердил знакомства Нодара и Вольнова, кроме безработного пьяницы! – сказал Орлов. – Да и тот сделал это неофициально. Кроме того, мы не знаем, того ли Нодара он вообще имел в виду.

– Того-того, – поспешно сказал Крячко. – Сколько же их в этом «Арарате» – рота, что ли? Тут этот-то один чуть не сбежал...

– Все равно, показания соседа мало что значат, – махнул рукой Орлов. – Поди туда, не знаю куда... Только на одном этом основании выдвинуть обвинения против Нодара не получится. Вот насчет запроса в Грузию – это мысль. Тут я обещаю поспособствовать.

– А наружка? – спросил Гуров.

– С какой стати? – возразил Орлов. – Раз невиновен, значит, нет поводов для наблюдения. Только на свой страх и риск. Опять же, какую силу добытые таким способом доказательства будут иметь в суде? А вам сейчас алмаз искать надо!

– Но машина! Черный фургон! – воскликнул Крячко. – Это ж прямая ниточка к алмазу!

– В общем, решайте сами, – махнул рукой Орлов. – За-

прещать я вам ничего не буду, но и поддерживать в заблуждениях не собираюсь. Смекаете, о чем я? Победителей не судят. Раскрутите дело, так, может, на некоторые вещи можно будет и сквозь пальцы посмотреть. А если все будет вот эдак, на живую нитку...

– Мне бы самому с этим Саная побеседовать, – вдруг сказал Гуров. – Пока его не выпустили. Если он разумный человек, мы можем и договориться.

– Ну что ж, не возражаю, – наклонил голову генерал. – Побеседовать можешь. Если задержанный даст согласие. Только без штучек, понял? Чтобы он потом на нас напраслину не возводил... А Крячко, между прочим, гражданина Вольнова так и не обнаружил пока – ни живого, ни мертвого. Ты морги проверял?

– Дались вам эти морги! – пробурчал Крячко. – Между прочим, у Крячко даже фотки этого Вольнова не имеется...

– Сыщик! – ехидно заключил генерал. – В паспортный стол сходи, в наших архивах поройся... Не хочется? Конечно, это тебе не с пистолетиком по крышам бегать!

– Я по крышам не бегал, – сердито сказал Крячко. – И не надо, – заметил генерал. – Ты не Карлсон... Кстати, хлопцы, новость для вас! Объявился господин Стоковски. Причем на самом высоком уровне – он, например, у нашего министра уже на приеме был.

– А что ему надо? – настороженно поинтересовался Гуров.

– Да то же, что и нам, – усмехнулся Орлов. – Алмаз ему нужен. А конкретно этот Стоковски утрясал вопрос о сотрудничестве наших органов правопорядка с представителями их собственной службы безопасности.

– Не понял, – помотал головой Гуров. – А на человеческом языке что это означает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.